

Арутюнова Екатерина Михайловна
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
981504@mail.ru

Модели языковой политики в образовании в разных странах мира

Аннотация. Статья представляет варианты реализации языковой политики в образовании в странах Европы и мира, в том числе ставших известными кейсами в изучении этой проблемы. В силу многообразия политико-правовых, исторических и этнодемографических контекстов в разных странах мира сложился целый ряд моделей реализации языковой политики в образовании, ни одна из которых не может считаться универсальной и окончательной. Даже там, где проблемы, казалось бы, решены, периодически встают новые вызовы, связанные не только с реализацией языковых прав, но и с проблемами поддержания согласия, социальной и политической стабильности и целостности государств.

Ключевые слова: образовательная политика; языковая политика; этнические языки; официальные языки; европейские страны; Канада; федеративные государства; унитарные государства

Arutyunova Ekaterina Mikhailovna
Institute of sociology of FSTAS RAS
Moscow, Russian Federation
981504@mail.ru

Models of language policy in education in different countries of the world

Abstract. The article presents the options of language policy in education in Europe and the world, including the well-known cases in the study of this problem. Due to the diversity of political, legal, historical and ethnodemographic contexts in different countries of the world, a number of models of language policy in education have been developed, none of which can be considered suitable for any situation. Even where problems seem to have been solved, new challenges arise from time to time. They relate not only to the realization of language rights, but also to the problems of maintaining consent, social and political stability and the integrity of states.

Keywords: educational policy; language policy; ethnic languages; official languages; European countries; Canada; federal states; unitary states

Тема этнических языков в образовании, вызывающая в последние годы в нашей стране и споры среди общественности, и изменение законодательства, и трансформации в практике образовательного процесса, закономерно побуждает обращаться к опыту других стран.

Анализ показывает, что не существует одного (или оптимального для многих ситуаций) способа разрешения этноязыковых противоречий. У образования в этих противоречиях значительная роль, поскольку это институт, участвующий в

формировании ценностей и транслирующей их, отсюда – в определенной мере ответственный и за поддержание согласия, и за сохранение и развитие многообразных культур. Если понимать языковую политику в широком смысле, то она включает в себя как действия государства, так и деятельность «иных акторов, вовлеченных в принятие решений и реализацию конкретных программ в ходе реформ языка и образования – т.н. символических элит, а также всех тех носителей конкретного языка, которые самостоятельно решают: поддерживать ли нововведения или сопротивляться им» [Языковая политика, конфликты и согласие, 2018: 5]. Подчеркнем: языковая политика очевидным образом не ограничивается только применением языков в образовании, а «судьба» языков зависит не только и не столько от того, изучаются ли языки в обязательном порядке в школе. Но этноязыковой конфликт 2018 г. развернулся именно относительно ситуаций в образовании в российских республиках, поэтому обратимся к этой сфере.

Статусы языков заметно различаются в зависимости от контекста исторического развития, этнодемографической структуры общества и прочих факторов в разных странах, в частности выделяются страны с двумя наиболее влиятельными этническими или лингвистическими общностями (биэтнические федерации [Тишков, 2016] или двухобщинные государства [Фарукшин, 2017]) и полиэтнические страны (как правило, также федерации) [Тишков, 2016]. Первые не имеют общегосударственного официального языка, например, Бельгия и Канада, и языки в них в той или иной степени территориально ограничены, но по-разному. В Бельгии территориальный монолингвизм имеет региональный характер – в Валлонии используется французский, и только на нем ведется обучение в государственных школах региона, во Фландрии – нидерландский, финансируемое государством образование также только на этом языке. Правомочность этой ситуации признана Европейским судом по правам человека в 1968 г. (Belgian Linguistic Case) [Тишков, 2016]. В Канаде иная ситуация – здесь на уровне государства официально объявлено двуязычие, но на региональном уровне провинции Квебек официальным признан только французский язык с отдельными послаблениями для английского после борьбы англоязычных квебекцев за свои права, в том числе за право на получение образования на нем. Отсюда для использования языков в образовании, как в целом для функционирования языков важно, на каком уровне осуществляется регулирование – на страновом или региональном, поскольку в Канаде это стало реальным противоречием. В обеих странах, ставших кейсами при изучении этноязыковых противоречий, эти проблемы сохраняются и периодически становятся поводами для дискуссий и инициатив сепаратистского характера.

В полиэтнических странах с федеративным устройством один общенациональный государственный язык может быть законодательно закреплен, как, например, в Российской Федерации, не закреплен, но де-факто очевиден (США), либо, как в Швейцарии, на уровне страны есть несколько равноправных государственных

языков – в данном случае немецкий, французский, итальянский, ретороманский, из которых три первых имеют статус официальных, а ретороманский используется как официальный в отдельных случаях. Функционирование языков в Швейцарии по факту и по закону территориально ограничено – в каждом кантоне чаще всего один официальный язык, который кантон может устанавливать сам. При этом другой принцип языковой политики страны – свобода личного языкового выбора. Школьники учатся на языке кантона, а изучают, соответственно, язык своего кантона и два иностранных языка – по выбору один из государственных языков страны и английский. Образовательную политику определяет каждый кантон самостоятельно, она вызывает множество дискуссий, поэтому в последнее время все чаще говорят о том, что английскому должно уделяться больше внимания в сравнении со вторым государственным языком. Высокая степень самостоятельности субъектов швейцарской конфедерации, по сути, приводит к тому, что сложившееся территориально-лингвистическое деление закрепляет внутренние культурные границы. Образовательная политика в данном случае способствует поддержанию единого полиэтнического государства.

Испанский пример, так громко звучавший в связи с объявлением Каталонией независимости, – еще один пример сложного и многообразного исторического и правового контекста решения языковых противоречий. Здесь своя модель федерализма, в которой отдельные регионы имеют широкие полномочия, в том числе и в образовательной политике (в их числе Каталония и Страна басков) и несколько официальных языков в каждом регионе (как правило, региональный и испанский). В итоге в целом в стране сложилась многообразная модель реализации многокультурного образования, например, в Каталонии образование с недавних пор ведется на каталанском языке, испанский изучается как предмет, что стало поводом для эскалации конфликта [Регулирование этнополитической конфликтности, 2017: 127].

В унитарных европейских государствах образовательная политика в языковой сфере разная. Во Франции она направлена на включение обучающихся в единую французскую нацию. Политика межкультурного образования с возможностью для иммигрантов и меньшинств изучать родные языки, проводившаяся здесь с конца 1970-х, сворачивается с конца 1990-х [Регулирование этнополитической конфликтности, 2017: 122]. Изучение региональных языков, которых во Франции немалое количество, вполне возможно в начальной школе, но не обязательно, в любом случае они используются для упрощения включения в образование на французском языке. Только на Корсике изучение регионального языка включено в программу. Языковая политика Франции ориентирована, как правило, на поддержку только французского языка как единственного государственного и официального; языки меньшинств государством практически не поддерживаются, несмотря на то, что согласно статье 75–1 Конституции Франции региональные языки являются частью национального достояния Франции.

В Италии действует принцип межкультурного образования, частично образовательная политика определяется региональными администрациями, а пять автономных регионов имеют еще более широкие полномочия в образовательной политике. В отличие от Франции, в Италии признаются языковые меньшинства – автохтонные группы, у которых есть право на изучение родного языка и культуры.

На наднациональном уровне единый подход в регулировании межэтнических отношений и поддержании прав меньшинств не выработан [Регулирование этнополитической конфликтности, 2017: 131]. В контексте образовательной политики чаще всего апеллируют к Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, однако далеко не все страны подписали и ратифицировали её, а сама по себе реализация её принципов требует весомых финансовых ресурсов.

Итак, изучаемые ситуации складываются по-разному, принципиально отличаясь по нескольким позициям, например, по тому, находятся ли вопросы использования языков в образовании в ведении регионов или центра, или в совместном ведении. Нет оснований полагать, что где-то проблема решена полностью, это изменяющиеся процессы, тесно связанные с социально-экономической и социально-политической проблематикой, в результате – разные варианты использования языков в образовании, которые невозможно рассматривать отдельно от исторического контекста каждой страны или региона.

Библиографический список

Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. Отв. ред. И. С. Семенов. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. 229 с.

Тишков В. А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Том. 86. № 4. С. 291–303.

Фарушкин М. Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.

Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. Москва: ИЭА РАН, 2018. 272 с.